

Научная статья / Research Article

УДК 94

DOI: 10.36718/2500-1825-2024-2-223-229

Руслан Витальевич Павлюкевич

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

autocrator@yandex.ru

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ДИВНОГОРСКОГО ГОРОДСКОГО ОКРУГА В 1970–1989 гг.

В статье рассматривается динамика изменения этнического состава населения двух поселений Дивногорского городского округа: собственно Дивногорска и рабочего поселка Овсянка в период с 1970 по 1989 г. на основе материалов переписей соответствующих годов. Дивногорск и Дивногорский городской округ появились в Красноярском крае в 1963 г. Их возникновение было связано с сооружением Красноярской гидроэлектростанции. Ее строительство имело воистину всесоюзный характер. Стройка Красноярской ГЭС, как и Дивногорска, называлась всесоюзной, поэтому предполагалось, что в ней участвовали специалисты со всей страны. Но, несмотря на это, согласно переписи 1970 г., большинство населения, как города Дивногорска, так и рабочего поселка Овсянка, относили себя к русским, следом по численности шли украинцы, белорусы и немцы. За последующие 26 лет структура местного населения практически ни претерпела изменений. Наиболее заметной динамикой выступал рост численности доли русских по отношению ко всем другим этническим группам, что было следствием развития смешанных браков, дети в которых чаще всего относили себя именно к русским, которые воспринимались в глазах общества как титульная советская нация. Более того, согласно переписи 1989 г., доля русского населения в Дивногорске была даже выше среднего по Красноярскому краю, что разрушает представление о всесоюзной стройке.

Ключевые слова: Дивногорск, Овсянка, Дивногорский городской округ, этнический состав, население

Для цитирования: Павлюкевич Р.В. Этнический состав населения Дивногорского городского округа в 1970–1989 гг. // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 223–229. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-2-223-229.

Благодарности: исследование осуществлено при поддержке КГАУ «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» в рамках проекта «История муниципального образования г. Дивногорска» № 2023031609644; автор выражает благодарность за предоставленную помощь в проведении исследований.

Ruslan Vitalievich Pavlyukevich

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

autocrator@yandex.ru

THE ETHNIC COMPOSITION OF THE DIVNOGORSK CITY
DISTRICT POPULATION IN 1970–1989

The paper examines the dynamics of changes in the ethnic composition of the population of two settlements of the Divnogorsk urban District: Divnogorsk itself and the workers' village of Ovsyanka in the period from 1970 to 1989 based on census materials of the corresponding years. Divnogorsk and the Divnogorsk urban District appeared in the Krasnoyarsk Region in 1963. Their emergence was associated with the construction of the Krasnoyarsk hydroelectric power station. Its construction was truly of an all-Union nature. The construction of the Krasnoyarsk hydroelectric power station, like Divnogorsk, was called an all-Union project, so it was assumed that specialists from all over the country took part in it. But, despite this, according to the 1970 census, the majority of the population, both in the city of Divnogorsk and in the working-class village of Ovsyanka, considered themselves Russians, followed in number by Ukrainians, Belarusians and Germans. Over the next 26 years, the structure of the local population has undergone virtually no changes. The most noticeable dynamics was the increase in the proportion of Russians in relation to all other ethnic groups, which was a consequence of the development of mixed marriages, the children of which most often identified themselves as Russians, who were perceived in the eyes of society as the titular Soviet nation. Moreover, according to the 1989 census, the proportion of the Russian population in Divnogorsk was even higher than the average for the Krasnoyarsk Region, which destroys the idea of an all-Union construction project.

Keywords: Divnogorsk, Ovsyanka, Divnogorsk urban District, ethnic composition, population

For citation: Pavlyukevich R.V. The ethnic composition of the Divnogorsk city district population in 1970–1989 // Socio-economic and humanitarian journal. 2024. № 2. S. 223–229. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-2-223-229.

Acknowledgments: research has been carried out with the support of the “Krasnoyarsk Regional Fund for Support of Scientific and Scientific-Technical Activities” within the framework of the project “History of the Municipal Formation of Divnogorsk city” No. 2023031609644; The author expresses gratitude for the assistance provided in the course of research.

Введение. В 2023 г. городу Дивногорску исполнилось шестьдесят лет. Город был запланирован и построен в рамках очередного витка индустриальной модернизации Восточной Сибири. Он был задуман, запланирован и построен для обслуживания нужд и потребностей строящейся Красноярской гидроэлектростанции, которая в рамках правительственных планов хозяйственного освоения региона играла центральную роль. С начала 1950-х гг. в центре долгосрочных планов социально-экономического развития и хозяйственного освоения Красноярского края лежал фактор до-

ступности дешевой гидроэнергии, способной обеспечить комплекс предприятий энергоемких отраслей промышленности, таких как цветная и черная металлургия, химическая и другие. В этих условиях гидроэлектростанция в доступности от крупнейшего городского поселения края становилась центральным проектом развития всей Центральной Сибири. В свою очередь ее строительство требовало многочисленных обслуживающих предприятий и управлений и, как следствие, работающего населения.

К началу 1960 годов будущий город уже активно застраивался и заселялся. Он на тот момент представлял собой яв-

ление малого молодого города. Подобные города возникали по всей территории страны в 1950–1970 гг. В большинстве своем такие города представляли собой небольшие по населению города, возникавшие за несколько лет и обслуживающие те или иные конкретные предприятия. Причем важно отметить, что в документах и прессе той эпохи строительство Красноярской гидроэлектростанции и, соответственно, города Дивногорска выставлялось как дело общесоюзного масштаба. Поэтому возможно было представить, что среди первых жителей Дивногорска были представлены различные этносы Советского Союза.

Цель исследования. Анализ изменения динамики этнического состава населения Дивногорского городского округа в период с 1970 по 1989 г. Выбор хронологических рамок обусловлен датами проведения всесоюзных переписей.

Историография проблемы. Следует заметить, что историография вопроса достаточно узка, так как город Дивногорск, а, соответственно, Дивногорский городской округ находились в основном в центре внимания краеведов, а не историков.

Так, значительный вклад в исследование Дивногорска внес местный краевед И.Г. Федоров, одна из последних работ которого посвящена воспоминаниям горожан о Великой Отечественной войне [1]. Также следует отметить труды историков-урбанистов, занимающихся

историей малых городов Сибири, среди которых хочется отметить работы новосибирской исследовательницы Н.В. Голиной, которая анализирует демографическую динамику в малых исторических и молодых индустриальных городах, в частности, Братске и Дивногорске [2]. Проблемы же этнической структуры населения отражены в работах Л.Н. Славиной [3], Л.А. Кутиловой [4] и других.

Результаты исследования и их обсуждение. К началу первой переписи, как самостоятельный городской Совет, Дивногорский городской округ уже существовал почти семь лет. В него, помимо самого Дивногорска, входил и рабочий поселок Овсянка. Важно заметить, что данный городской округ был в тесной связи с Красноярском, при этом само поселение в значительной степени было связано с Красноярском, постепенно превращаясь в часть агломерации. Многие жители работали в Красноярске, многие имели там родственников. Источниковой базой исследования выступают, как уже было отмечено выше, материалы всесоюзной переписи 1970, 1979 и 1989 гг., хранящиеся в 7-й описи фонда 1300 Государственного архива Красноярского края. Следует заметить, что именно в переписи 1970 г. Дивногорский городской округ выведен как самостоятельный объект, а перепись 1989 г. стала последней советской переписью в истории (табл. 1).

Таблица 1

Этнический состав населения г. Дивногорска по переписям 1970, 1979, 1989 гг. [5, 6, 7]

Показатель	1970		1979		1989	
	Численность, чел.	Доля, %	Численность, чел.	Доля, %	Численность, чел.	Доля, %
1	2	3	4	5	6	7
Русские	23125	89,14	27301	91,28	27611	91,39
Украинцы	1190	4,58	1012	3,38	953	3,15
Белорусы	397	1,53	353	1,18	368	1,22
Литовцы	37	0,14	27	0,09	21	0,07
Латыши	70	0,27	53	0,18	57	0,19

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
Эстонцы	45	0,17	45	0,15	18	0,06
Марийцы	0	-	17	0,05	31	0,1
Мордва	76	0,2	77	0,26	76	0,25
Татары	302	1,16	254	0,85	216	0,71
Тувинцы	0	-	17	0,05	46	0,15
Удмурты	0	-	41	0,13	51	0,17
Чуваши	0	0,74	196	0,65	156	0,51
Якуты	1	-	21	0,07	58	0,19
Евреи	0	-	14	0,04	14	0,04
Хакасы	29	0,01	33	0,11	27	0,08
Немцы	140	0,54	235	0,78	223	0,74
Прочие	341	1,52	229	0,75	237	0,98

Как мы, собственно, можем видеть, самой крупной этнической группой населения города Дивногорска были русские, причем их доля в общей численности населения города постоянно росла. Если по данным переписи 1970 г. русские составляли чуть более 89 % от населения Дивногорска, то в последующие годы их доля увеличивается до 91,3 % в 1979 г. и 91,4 % в 1989 г.

Второй по численности этнической группой населения города Дивногорска выступают украинцы, что в принципе ожидаемо. Так, в целом они были вторым по численности этносом Советского Союза, при этом заметим, что численность украинцев в рассматриваемые годы постепенно снижалась. Если по переписи 1970 г. их численность составляла 4,58 % (5 % мужчины и 4 % женщин), то уже в 1979 г. численность украинцев сократилась до 3,38 % в 1979 г. и до 3,15 % в 1989 г. Третьей по численности группой выступали белорусы – 1,53 % в 1970 г., 1,18 – в 1979 г., 1,22 % – в 1989 г. Доля населения татарского этноса на стройке снижалась соответственно годам переписи с 1,16 % до 0,85 и 0,71 %, в итоге уступив четвертое место в этнической структуре населения города Дивногорска немцам, чья доля показала относительный рост в 1979 г. и незначительное снижение в 1989 г. Большинство оставшихся этносов, представленных в структуре населения города Дивногорска, было не-

значительным, составляя менее 1 % в разные годы.

Красноярский край по своему этническому населению был населен преимущественно русскими, поэтому удивляться тому, что они составляли большинство населения, мы не должны, это вполне логично и ожидаемо. Действительно, привлекает внимание то, что размер их доли был даже выше, чем в среднем по краю. Так, согласно переписи 1989 г., по Красноярскому краю русские составляли 90,7 %, при этом в Дивногорске доля татар и украинцев была заметно ниже, чем в среднем по краю, а доля немцев соответствовала средней. Таким образом, данные переписей опровергают миф о Всесоюзной стройке Красноярской ГЭС и города Дивногорска. Даже если в действительности строительство носило всесоюзный характер, то представители иных этнических групп советского государства предпочли после окончания стройки покинуть город, на что может указывать факт того, что наименьшей долей русского населения отличался именно 1970 г.

С другой стороны, рост доли русского населения можно объяснить тем, что в подобной среде дети из смешанных браков чаще всего записывали себя именно в русские, а не в другие этнические группы. Поэтому в рассматриваемые годы мы видим рост доли русского населения на фоне сокращения доли всех остальных этнических групп населения.

Это была распространенная практика в рассматриваемый период. Пожалуй, из всех титульных наций республик, не считая славянских, в Дивногорске были представлены этносы прибалтийских республик. Их доля также постепенно снижалась, но в 1970, 1979, 1989 гг. она составляла соответственно 0,58; 0,42 и 0,32 %. Это связано с большим количе-

ством прибалтов, попавших в край в условиях событий 1940–1950-х гг.

Теперь перейдем к анализу второго поселения Дивногорского городского округа – рабочему поселку Овсянка. Оно расположено на правом берегу Енисея, в устье реки Овсянки. Возникло не позднее 1671 г. и было значительно старше Дивногорска (табл. 2).

Таблица 2

Этнический состав населения рабочего поселка Овсянка по переписям 1970, 1979 и 1989 гг. [5, 6, 7]

Показатель	1970		1979		1989	
	Численность, чел.	Доля, %	Численность, чел.	Численность, чел.	Доля, %	Численность, чел.
Русские	5427	87,72	4722	88,8	4142	89,71
Украинцы	216	3,49	164	3,08	132	2,86
Белорусы	152	2,46	104	1,95	80	1,73
Литовцы	26	0,42	18	0,34	11	0,24
Латыши	13	0,21	10	0,19	6	0,13
Эстонцы	20	0,32	22	0,41	18	0,34
Марийцы	0	-	4	0,07	2	0,04
Мордва	44	0,71	31	0,58	13	0,28
Татары	52	0,84	37	0,69	37	0,8
Тувинцы	0	-	2	0,04	1	0,02
Удмурты	0	-	10	0,19	6	0,13
Чуваши	63	1,01	48	0,9	44	0,95
Якуты	1	0,02	0	-	1	0,02
Евреи	0	-	1	0,02	0	-
Хакасы	0	0,02	1	0,02	0	-
Немцы	106	0,71	107	2,01	75	1,62
Прочие	67	2,07	36	0,71	49	1,13

Анализ структуры поселения в целом, скорее, совпадает со структурой самого Дивногорска. Так же, как и в городе, самой крупной этнической группой населения выступали русские. На их долю приходилось 87,72 % населения поселка (87 % мужчин и 88 % женщин), позднее доля русских в населении Овсянки также росла, достигнув в 1979 г. соответственно 88,8 и 89,71 % от общего населения. Следом также шли украинцы, чья доля населения постепенно сокращалась в общей численности местного населения в 1970, 1979, 1989 гг. – соответственно 3,49; 3,08; 2,86 %, затем шли

белорусы – соответственно 2,46; 1,95; 1,73 %. Одним из двух заметных отличий этнической структуры населения рабочего поселка Овсянка от структуры населения Дивногорска было в том, что четвертой по численности группой населения здесь оказались немцы, а не татары, с долей населения в рассматриваемые годы 0,71; 2,01; 1,62 %. Впрочем, рост доли не означал роста численности немцев в населении Овсянки, а был отражением постепенного сокращения общей численности местного населения в рассматриваемые годы. Выше была здесь и суммарная доля прибалтов, способная по-

спорить за четвертое место с немцами (0,95; 0,94; 0,71 %). Это было связано с тем, что здесь осели многие бывшие заключенные лагерей, расположенных в Красноярском крае. Но в целом тренды, характерные для развития этнической структуры рабочего поселка Овсянки, совпадали с трендами города Дивногорска. Постепенный рост доли русского населения на фоне сокращения всех остальных этнических групп.

Заключение. В целом за 36 лет в рамках изменения этнической структуры населения происходили незначительные изменения. Большинство населения города Дивногорска были русские, их доля в общей структуре населения постепенно росла с 89 до 92 %, это происходило в основном за счет сокращения доли украинцев, немцев, белорусов и прочих.

Динамика изменения этнической структуры рабочего поселка Овсянка в целом коррелирует с ситуацией в Дивногорске. Наибольшую долю в структуре населения составляли русские, хотя их доля все же была ниже, чем в самом Дивногорске. Так, доля этой группы изменилась с 88 до 90 % одновременно со снижением численности других этнических групп. Данные показатели в первую очередь указывают на частичное разрушение того исторического мифа, согласно которому строительство Дивногорска и Красноярской ГЭС было Всесоюзной стройкой, так как на выходе население города было даже более русским, чем в среднем по Красноярскому краю.

Список источников

1. Федоров И.Г. Дети в прозе войны – это мы: воспоминания дивногорцев. Красноярск: Папирус, 2020. 320 с.
2. Гонина Н.В. Демографические процессы в малых исторических городах Ангаро-Енисейского региона во второй половине 1950-х – конце 1970-х гг. // Исторический курьер. 2019. № 4. С. 129–142.
3. Славина Л.Н., Франц Е.А. Эволюция половозрастной структуры российских немцев в 1950–1980-х гг. (на примере Красноярского края)// Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2014. № 4. С. 166–171.
4. Кутилова Л.А. Проблемы украинских переселений и этнокультурных трансформаций в украинской среде в Приенисейской Сибири в исследованиях красноярских историков во второй половине XX – начале XXI в. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 1. С. 89–96.
5. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.Р. 1300. Оп. 7. Д. 24. Л. 61–62.
6. ГАКК. Ф.Р. 1300. Оп. 7. Д. 274. Л. 150–170.
7. ГАКК. Ф.Р. 1300. Оп. 7. Д. 421. Л. 80, 152.

References

1. Fedorov I.G. Deti v proze voiny – ehto my: vospominaniya divnogortsev. Krasnoyarsk: Papirus, 2020. 320 s.
2. Gonina N.V. Demograficheskie protsessy v malykh istoricheskih gorodakh Angaro-Eniseiskogo regiona vo vtoroi polovine 1950-kh – kontse 1970-kh gg. // Istoricheskii kur'er. 2019. № 4. S. 129–142.
3. Slavina L.N., Frants E.A. Ehvolyuetsiya polovozrastnoi struktury rossiiskikh nemtsev v 1950–1980-kh gg. (na primere Krasnoyarskogo kraya)// Vestnik Krasnoyarskogo

- gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva. 2014. № 4. S. 166–171.
4. *Kutilova L.A.* Problemy ukrainskikh pereselenii i ehtno-kul'turnykh transformatsii v ukrainskoi srede v Prieniseiskoi Si-biri v issledovaniyakh krasnoyarskikh istorikov vo vtoroi polovine XX – nachale XXI v. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 1. S. 89–96.
 5. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya (GAKK). F.R. 1300. Op. 7. D. 24. L. 61–72.
 6. GAKK. F.R. 1300. Op. 7. D. 274. L. 150–170.
 7. GAKK. F.R. 1300. Op. 7. D. 421. L. 80, 152.

Статья принята к публикации 4.04.2024/
The article has been accepted for publication 4.04.2024.

Информация об авторе:

Руслан Витальевич Павлюкевич, доцент кафедры истории и политологии, кандидат исторических наук

Information about the authors:

Ruslan Vitalievich Pavlyukevich, Associate Professor at the Department of History and Political Science, Candidate of Historical Sciences

Научная статья / Research Article

УДК 94 (571.6)

DOI: 10.36718/2500-1825-2024-2-230-240

Андрей Александрович Гринько

Дальневосточный государственный аграрный университет, Благовещенск, Россия

andrey2007-85@mail.ru

ЖИЗНЬ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО СЕЛА 1970–1991 ГОДОВ В ТРУДАХ СОВЕТСКИХ И РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Целью исследования является анализ исторических событий, связанных с развитием дальневосточной сельской местности в 1970–1991 гг., а задачами – выявление этапов, закономерностей и особенностей процесса научного изучения сельской действительности Дальневосточного региона. В ходе работы над статьей применялись как общенаучные, так и собственно исторические методы. Исследование базировалось на основополагающих научных принципах, таких как критическая интерпретация источников, деполитизированность, историзм. Автор анализирует публикации, касавшиеся жизнедеятельности, повседневности, материального положения сельского населения, социальной политики, демографических и миграционных процессов. Отмечается, что длительное время эволюция сельского социума Дальнего Востока периодов «развитого» (или «позднего») социализма и перестройки не была в центре внимания исследователей, опиравшихся на господствующий вплоть до начала 1990-х годов формационный подход. Ученые идеализировали положение дел в сельской местности, представляя существовавшие проблемы и сложности временными явлениями, преодолимыми в обозримом будущем. В постсоветский период продолжилось изучение жизни сельчан с новых методологических позиций, в частности, с опорой на теорию модернизации. Всплеск интереса к региональной сельской действительности пришелся на начало XXI века. Историки обратили внимание на вопросы, связанные с питанием, состоянием жилищной и бытовой инфраструктуры, сельскохозяйственным переселением, субъективным восприятием жизни самими сельчанами. К настоящему времени сформировался комплекс научных исследований по истории дальневосточного села, включающий в себя статьи, монографии и диссертации, однако ряд вопросов остается на периферии исследовательского интереса и требует дальнейшего изучения.

Ключевые слова: Дальний Восток, сельское население, поздний социализм, перестройка, советская деревня, историография

Для цитирования: Гринько А.А. Жизнь дальневосточного села 1970–1991 годов в трудах советских и российских исследователей // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 230–240. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-2-230-240.

Andrey Alexandrovich Grinko

Far Eastern State Agrarian University, Blagoveshchensk, Russia

andrey2007-85@mail.ru

LIFE OF A FAR EASTERN VILLAGE IN 1970-1991 IN THE SOVIET AND RUSSIAN RESEARCHERS PUBLICATIONS

The purpose of the study is to analyze historical events related to the development of the Far Eastern rural areas in 1970–1991, and the objectives are to identify the stages, patterns and features of the process of scientific study of the rural reality of the Far Eastern Region. In the course of working on the paper, both general scientific and historical methods were used. Research was based on fundamental scientific principles, such as critical interpretation of sources, depoliticization, and historicism. The author analyzes publications related to life, daily life, the financial situation of the rural population, social policy, demographic and migration processes. It is noted that for a long time the evolution of the rural society of the Far East during the periods of “developed” (or “late”) socialism and perestroika was not the focus of attention of researchers who relied on the formational approach that was dominant until the early 1990s. Scientists idealized the state of affairs in rural areas, presenting existing problems and difficulties as temporary phenomena that could be overcome in the foreseeable future. In the post-Soviet period, the study of the life of villagers continued from new methodological positions, in particular, based on the theory of modernization. A surge of interest in regional rural reality occurred at the beginning of the 21st century. Historians have paid attention to issues related to food, the state of housing and household infrastructure, agricultural resettlement, and the subjective perception of life by the villagers themselves. To date, a complex of scientific research on the history of the Far Eastern village has been formed, including papers, monographs and dissertations, but a number of issues remain on the periphery of research interest and require further study.

Keywords: Far East, rural population, late socialism, perestroika, Soviet village, historiography

For citation: Grinko A.A. Life of a far eastern village in 1970-1991 in the soviet and Russian researchers publications // Socio-economic and humanitarian journal. 2024. № 2. S. 230–240. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-2-230-240.

Введение. Последние десятилетия существования Советского Союза стали временем больших достижений и серьезных просчетов, глобальных планов и нереализованных возможностей, что отразилось и на восточной части страны. Общие тенденции, характерные для государства в целом, имели свои местные особенности, а Дальний Восток выступал квинтэссенцией многих явлений и процессов. Сельская местность в полной мере ощутила на себе всю многогранность советской эпохи и претерпела серьезную трансформацию. Изучение дальневосточного села остается актуальным, ведь существование отечественного государства исторически связано с аграрной сферой и благополучием сельского соци-

ума. Принимая во внимание общепризнанные подходы к хронологии отечественной истории, учитывая достижения историографии, можно выделить три этапа в изучении дальневосточного села и его жителей 1970-х – начала 1990-х годов: советский (1970-е – начало 1990-х гг.); постсоветский (1990-е годы); современный (начиная с 2000-х годов).

Цели и задачи исследования. Целью исследования является анализ научных публикаций, связанных с развитием дальневосточной сельской местности в 1970–1991 гг., а задачами – выявление этапов, закономерностей и особенностей процесса изучения сельской действительности Дальнего Востока.

Методы исследования. В ходе работы над статьей применялись как общенаучные, так и собственно исторические методы (в частности, конкретно-исторический, проблемно-хронологический и др.). Исследование базировалось на основополагающих научных принципах, таких как критическая интерпретация источников, деполитизированность, объективность, историзм.

Результаты исследования и их обсуждение. На первом этапе одновременно с общесоюзной историографией села начинает складываться и ее дальневосточный сегмент. Подход, основанный на экономической детерминации происходивших событий, преимуществах социалистической формации, догмате о победе социализма, определял научные публикации.

Существование примата партийных оценок и идеологизация науки привели к застою в изучении социальных процессов. Вплоть до середины 1980-х годов стержнем нередко декларативных исследований являлись тезисы о неуклонном повышении благосостояния населения, сближении города и села по основным показателям, росте трудовой активности тружеников села, стирании классовых различий, а противоречия, негативные явления и проблемы воспринимались как малосущественные и преодолимые в обозримом будущем.

Дальневосточные исследования по объективным причинам были немногочисленными. Тем не менее, по «горячим следам» выявлялись характерные тенденции и закономерности. Экономисты, социологи, а затем и историки, в первую очередь изучали хозяйственное освоение Дальнего Востока [1]. Некоторые стороны социальной политики власти в отношении сельского населения отражались в популяризаторских работах [2]. Сельчане воспринимались как трудовой ресурс для аграрной сферы, поэтому собственно повседневная сельская жизнь и состояние социальной инфраструктуры находили ограниченное отражение в научных публикациях и были отодвинуты на второй

план. Большинство исследований отличалось идеализированным подходом и было нацелено на обоснование перманентного роста уровня жизни сельчан дальневосточников и его сближение с показателями наиболее благополучных регионов. Историческое осмысление жизни дальневосточной деревни только начиналось. На рубеже 1970–1980-х годов складывается направление по изучению социальной истории (А.П. Деревянко, В.Е. Борчанинова, А.С. Ващук и другие). Несмотря на сохранявшуюся марксистско-ленинскую ориентацию, исследователи обращали внимание на отставание уровня жизни дальневосточников от остальной страны, акцентировали внимание на социальной политике, хотя механизм ее формирования и реализации пока не изучался.

Промежуточные результаты исторических исследований сельской действительности постепенно начинают обобщаться. В 1979 году вышел в свет сборник статей под названием «Крестьянство Дальнего Востока СССР (XIX–XX вв.)», в котором содержались статьи, посвященные материальному благосостоянию сельских тружеников (А.С. Ващук), аграрной политике КПСС и ее реализации на Дальнем Востоке (А.П. Деревянко) [3]. В 1981 году был подготовлен коллективный труд «Социально-экономическое развитие дальневосточной деревни (советский период)» (в 1984 году вышел сборник с аналогичным названием) [4]. А.С. Ващук и В.Е. Борчанинова предпринимали попытки рассмотреть социальные процессы, происходившие в среде дальневосточного населения, динамику колхозного крестьянства, жизнедеятельность работников совхозов. Начала проявляться (хотя и крайне ограниченно) критика слабой кадровой обеспеченности аграрной сферы, недостатков в социалистическом соревновании, бытовом и торговом обслуживании, важность повышения уровня жизни сельчан. Несмотря на то что выводы ученых подстраивались под официальные оценки и прогнозы, имело место преувеличение достигнутых результатов государствен-

ной и партийной политики, первичное рассмотрение собственно сельской действительности формировало базу последующих исследований.

Во второй половине 1980-х годов в исследованиях сохраняется ориентация на постулат о прогрессивном социальном развитии дальневосточной деревни и росте жизненного уровня сельского населения в условиях «неуклонного совершенствования» социализма. Основная часть исследований, как и ранее, принадлежала экономистам и социологам. Вопросы развития социальной сферы исследовались через призму проблемы формирования трудовых ресурсов. Стал анализироваться уровень жизни дальневосточного населения, выявлялись его особенности [5]. Исследователи отмечали, что сравнительно низкий уровень жизни дальневосточников негативно сказывался на состоянии аграрной сферы и всей региональной экономике, обосновывали важность развития отдаленных территорий.

Продолжалось изучение вопросов, связанных с демографией и миграциями. Л.Л. Рыбаковский, Н.П. Кетова, А.С. Ревайкин и другие, исследуя переселенческие процессы, рассматривали миграцию как способ формирования населения и трудовых ресурсов, изучали закрепляемость людей в регионе, учитывая влияние социальных, материальных и моральных факторов [6]. Несмотря на сохранение оптимистичных оценок в отношении социальных процессов и уровня жизни в дальневосточном селе во второй половине 1980-х годов, начинает проявляться и критический взгляд. Односторонние подходы медленно преодолеваются, постепенно формируется понимание ошибочности утверждения о непрерывном и равномерном улучшении уровня жизни всего общества, осознание сложности и неоднозначности эволюции благосостояния сельчан, акцентируется внимание на проблемах, связанных со старением сельского населения и оттоком в более благополучную местность трудоспособных и квалифицированных жителей. В конце 1980-х годов была уже

явно озвучена проблема создания соответствующих материальных условий для закрепления населения в регионе. Это нашло отражение в сборнике научных докладов «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока: новые явления, проблемы, пути перестройки» [7]. Выводы экономистов об отставании дальневосточной социальной сферы и остаточном принципе ее финансирования были развиты историками В.Е. Борчаниновой, С.А. Власовым, А.С. Ващук, А.П. Деревянко и другими [8, 9]. В.Е. Борчанинова опубликовала монографию, посвященную дальневосточному населению 1960–1980-х годов, в которой была предпринята попытка объективно проанализировать динамику колхозного крестьянства и совхозных работников, текучесть сельских кадров, различия между городом и деревней, степень эффективности власти в отношении преодоления жилищно-бытовых проблем, материальные факторы, влиявшие на сельский социум [10]. С.А. Власов исследовал бытовое обслуживание дальневосточников, а также завершил работу над диссертацией, в которой рассматривалось благосостояние населения Дальнего Востока в 1971–1985 гг. [11]. Выявленные тенденции и проблемы, используемые статистические данные позволяли характеризовать и сельскую действительность. Так, был сделан вывод о том, что уровень материального благосостояния не соответствовал динамике доходов и покупательной способности дальневосточников. Одним из итогов советского этапа историографии дальневосточного села стала монография «Крестьянство Дальнего Востока СССР в XIX–XX вв.: очерки истории» [12]. Она стала одной из последних работ, созданных в рамках марксизма-ленинизма. Тем не менее ее авторы затрагивали и проблемы, используя обширный архивный материал, обобщая жизнь аграриев 1970–1980-х годов, изменения в социальной структуре и материальном благосостоянии. В дальнейшем, говоря об исследованиях последних лет существования СССР, А.С. Ващук отмечала, что «в концепту-

альном плане коренного прорыва в осознании советских реалий, в том числе и дальневосточных, тогда не произошло, но были подготовлены для него значительные предпосылки» [13]. Полученный опыт и сделанные выводы стали основой для дальнейшего переосмысления дальневосточной сельской действительности.

С распадом СССР и появлением суверенной России начинается второй этап изучения дальневосточной сельской действительности. Он характеризуется изменением методологических подходов к рассмотрению исторических событий и процессов, отказом от штампов предыдущего периода, деидеологизированностью, расширением источниковой базы. С 1990-х годов концептуальной основой многих отечественных исследований становится теория модернизации. Сложилась и новая концепция аграрного развития СССР, базировавшаяся на тезисе об антикрестьянском характере советской политики.

В отличие от общероссийской историографии, которая добилась значительных результатов в изучении советской деревни периодов «позднего» социализма и перестройки и отличалась большим количеством исследований, для дальневосточной науки сельская тематика оставалась малоперспективным направлением, а в имевшихся изысканиях приоритетными были экономические и демографические вопросы [14]. Тем не менее, местными историками были сформулированы важные выводы о том, что советская модернизация второй половины XX века привела к формированию патерналистского менталитета и имела неоднозначный характер, не всегда проявляясь в улучшении благосостояния населения. На региональном уровне появлялись работы, которые имели большое значение для понимания процессов, проходящих в сельской местности. Особенно следует отметить монографию А.С. Ващук [15]. Рассматривая социальную политику, автор анализировала изменения в уровне жизни дальневосточников, изучала динамику заработной платы, уровень цен и стоимость товаров и

услуг. А.С. Ващук отмечала, что в рассматриваемый период аграрное население активно стремилось к городским стандартам жизни, однако обеспеченность сельской местности товарами длительного пользования отставала от города. Власть, поддерживая так называемый «баланс интересов», стремилась осуществлять стабильное развитие региона. В 1998 году А.С. Ващук защитила докторскую диссертацию, в которой проанализировала социальную политику в советский период, ее реализацию в регионе и влияние на уровень жизни дальневосточников [16]. Используя обширный фактический материал, А.С. Ващук выявила тенденции, присущие региону в 1970–1980-е годы. Она отмечала, что государственные интересы и технократизм обеспечили рост денежных доходов населения, однако проявились и кризисные явления. Темпы роста заработной платы, в частности, в сельском хозяйстве оказались выше, чем рост производительности труда, а производство востребованных промтоваров отставало от растущих потребностей в условиях складывающегося потребительского общества, что способствовало росту дефицита.

К началу нового века дальневосточные исследования последних десятилетий существования СССР проводились ограниченно. Местные историки, затрагивавшие сельскую тематику, занимались преимущественно вопросами аграрного развития региона в имперский и раннесоветский периоды. Постепенно увеличивается спектр исследований, посвященных функционированию органов власти, бытовому обслуживанию, борьбе с преступностью и проблеме дефицита, а выявленные тенденции и особенности в той или иной степени касались и сельчан [17, 18]. Дальневосточные экономисты и социологи обращались к советскому периоду истории региона, рассматривая роль государства в развитии социальной сферы, изменении уровня жизни населения [19]. Большое внимание уделялось изучению демографических и миграционных процессов позднесоветского периода, хотя вопросы их взаимосвязи с со-

циальными процессами в сельской местности Дальнего Востока оставались малоизученными. Особый акцент делался на меры материальной поддержки и степень развитости социальной инфраструктуры на селе, как факторы, определяющие степень приживаемости новоселов и общую стабильность населения. А.С. Ващук и Е.Н. Чернолуцкая отмечали зависимость степени миграционного оттока населения от состояния социально-экономической сферы региона, феномен раскрестьянивания и рост «утечки» сельчан в городскую местность и несельскохозяйственные отрасли [20, 21]. Началась научная разработка истории сельскохозяйственного переселения на Дальнем Востоке: рассматривались причины большой текучести мигрантов; аспекты, связанные с наличием личного подсобного хозяйства, обеспеченностью жильем. С.А. Пискунов в своих работах анализировал льготы, пособия и иные меры поддержки переселенцев, отмечал высокий процент выбытия новоселов, сделал вывод о том, что власть была вынуждена изменить подход в решении проблемы кадрового обеспечения деревни в условиях снижения рождаемости и урбанизации, что дало определенный положительный результат [22]. Л.А. Крушанова отмечала, что обеспечение аграрных районов Дальнего Востока трудовыми ресурсами являлось приоритетной задачей государства [23]. Льготы в значительной степени покрывали затраты переселенцев, однако сельскому хозяйству все равно не хватало трудовых ресурсов из-за высокого оттока, что, в свою очередь, было вызвано непрестижностью труда, его высокой интенсивностью, особенностями климата, несоответствием мер поддержки требованиям времени.

Продолжалось изучение аграрной политики партии и правительства, а также общих тенденций развития сельского хозяйства Дальнего Востока рассматриваемого периода [24]. Н.М. Платонова обратила внимание на историко-антропологический аспект проблемы обеспеченности жителей Дальнего Во-

стока СССР продуктами питания, наличие дефицита, высокие цены и второстепенное отношение власти к социальным аспектам жизни [25]. В 2008 году была издана монография С.А. Власова, посвященная жилищному строительству на Дальнем Востоке [26]. Несмотря на то что значительная часть работы касалась общих тенденций, исследователь, используя широкий круг источников, выявил и ряд важных моментов в сельском домостроении. Он отметил специфические трудности, обозначил проблему планировки и застройки сельских населенных пунктов, обратил внимание на снижение объемов индивидуального строительства и акцент на первоочередное строительство жилья для переселенцев даже в ущерб постоянному населению. С.А. Власов подчеркнул нехватку современного сельского жилья и невысокий уровень его качества. В 2016 году вышла очередная книга фундаментальной серии «История Дальнего Востока России» [27]. Помимо рассмотрения общих тенденций развития региона, в ней анализировались вопросы, касающиеся сельской сферы. Освещая вопрос плановых сельскохозяйственных переселений, утверждалось, что данная форма миграции позволяла замещать новоселами «утечку» коренных сельчан. Впрочем, переселенцев не устраивал целый комплекс факторов, что обуславливало их низкую приживаемость. Говоря о региональной аграрной политике, исследователи отмечали ее главную задачу – обеспечить Дальний Восток собственным продовольствием, однако сделать это так и не удалось, хотя в целом ситуация с питанием населения улучшилась. Были охарактеризованы политика раскрестьянивания и тенденция приобщения сельчан к урбанизованным стандартам жизни в результате стирания различий между городом и деревней. Авторы рассматривали и динамику доходов сельчан-аграриев, отмечая их стабильный рост.

Нельзя не упомянуть об исследованиях амурских историков, с 2000-х годов активно изучавших аграрную сферу, повседневность и социальную жизнь сел Дальнего Востока. Е.В. Корякина анали-

зировала социальную политику в отношении сельской местности периода перестройки с позиций теории модернизации, отмечая, что условия жизни сельчан и их объективные потребности модифицировались быстрее, чем на это могла реагировать государственная система. По ее мнению, жилищная проблема была наиболее важной среди социальных проблем. Важность сельской социальной сферы недооценивалась властью, а перманентно существовавшие проблемы прямо влияли на состояние трудового и демографического потенциала, формируя установку на временность проживания [28]. В своей диссертации автор делает вывод о том, что, несмотря на определенные положительные изменения, развитие региональной сельской инфраструктуры в перестроечный период имело инерционно-экстенсивную направленность [29]. Автор настоящей статьи рассматривал различные аспекты жизни дальневосточного села и его жителей 1970-х – первой половины 1980-х годов. Анализировался уровень благосостояния, жилищно-бытовые условия, особенности жизнедеятельности и повседневности сельской семьи, жалобы сельчан в средства массовой информации, и ряд других аспектов [30]. Нами отмечалось, что ускоренное вовлечение деревни в процессы модернизации, сопровождаемые «урбанизацией» сознания, приводило к формированию «городского» мышления и проявлялось в оттоке наиболее активной и квалифицированной части жителей [31].

Результаты исследования материального положения аграриев были оформлены в диссертации, где подчеркивалось, что «на Дальнем Востоке сохранялось постоянное противоречие между ростом потребностей сельского населения и реальными возможностями их удовлетворения, что формировало в среде аграрных тружеников негативное отношение к своей жизни в селах юга региона, неприязненное и пренебрежительное отношение к работе, представление о перманентной отсталости деревни» [32]. В последнее десятилетие неоднократно проходили научные конференции и публиковались сборники статей, в ко-

торых рассматривались различные стороны жизни региона в советский период. Однако, при их несомненной научной ценности, собственно сельская тематика освещалась лишь в некоторых материалах [33, 34].

Заключение. Таким образом, анализ исследований дальневосточных ученых показал, что жизнедеятельность деревни 1970-х – начала 1990-х годов нашла отражение в региональной науке. В советский период сельская действительность рассматривалась преимущественно экономистами, а затем и историками, в контексте аграрного развития региона с идеализацией происходящих процессов и в рамках формационного подхода. В постсоветский период начинает формироваться деидеологизированная историография села, формулируется ряд новых подходов, в частности, модернизационный подход, происходит переоценка прежде доминировавших точек зрения и начинают рассматриваться ранее неисследованные стороны сельского социума, например, повседневная жизнь.

Тем не менее, вплоть до настоящего времени собственно сельские реалии так называемых периодов «застоя» и «перестройки» активно изучались лишь небольшой группой исследователей и остаются на периферии исследовательского интереса региональной историографии, зачастую рассматриваются лишь в рамках обзорных исследований Дальнего Востока, трудах экономистов и социологов, имеющих свою специфику. Малоисследованными направлениями продолжают оставаться повседневность, криминальная ситуация, культурная сфера, психология сельского населения. Несмотря на большой вклад ряда историков (А.С. Ващук, С.А. Власов, Е.В. Корякина, А.А. Гринько и др.) в изучение сельской действительности, целостная научная картина жизни сельчан дальневосточников в последние десятилетия существования советской государственности пока полностью не сложилась. Тем не менее, в дальневосточной историографии сельской действительности 1970-х – начала 1990-х годов заметно обогатилось проблемное поле исследо-

ваний, сформировались новые темы и научные направления, значительно продвинулась вперед их разработка. Очевидно, что накопленный исследовательский материал является основательным фундаментом для дальнейшего изучения вопроса.

Список источников

1. Колтунов Л.А. Резервы труда совхозов Дальнего Востока. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1974. 160 с.
2. Очерк истории Хабаровской краевой организации КПСС (1900–1978 годы) / Н.А. Авдеева, Н.А. Билим, А.В. Больбух [и др.]. Хабаровск: Кн. изд-во, 1979. 495 с.
3. Крестьянство Дальнего Востока СССР (XIX–XX вв.) / под общ. ред. А.И. Крушанова. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1979. 144 с.
4. Социально-экономическое развитие дальневосточной деревни (советский период) / под общ. ред. А.И. Крушанова. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1981. 100 с.
5. Социально-экономический анализ уровня жизни населения Дальнего Востока: сб. науч. тр. / АН СССР, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исслед.; отв. ред. С.В. Югай. Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. 171 с.
6. Ревайкин А.С., Кетова Н.П. Проблемы формирования постоянного населения и трудового потенциала на Дальнем Востоке // Социально-экономические проблемы дальневосточного села: сб. науч. тр. / Акад. наук СССР, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований; отв. ред. П.М. Салькин, Н.П. Кетова. Владивосток, 1987. 120 с.
7. Социально-экономическое развитие Дальнего Востока: новые явления, проблемы, пути перестройки: мат-лы науч. докл. Хабаровск: ДВО АН СССР, 1991. 140 с.
8. Ващук А.С., Бабий Н.В. Рост жизненного уровня сельского населения Дальнего Востока (1965–1980 гг.) // Аграрная политика КПСС на Дальнем Востоке (1960–1986). Владивосток: Изд-во ДВУ, 1987. С. 113–128.
9. Дальневосточная деревня в 1961–1980 гг. Ч. 2. Социальное развитие дальневосточной деревни / В.Е. Борчанинова, А.С. Ващук, А.П. Деревянко [и др.] / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР. Владивосток, 1987. 160 с.
10. Борчанинова В.Е. Социальная структура населения Дальнего Востока России (60–80-е годы). Владивосток: Дальнаука, 1992. 176 с.
11. Власов С.А. Материальное благосостояние трудящихся Дальнего Востока СССР (1971–1985 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1989. 207 с.
12. Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX вв.: очерки истории / Р.Г. Бендюжик, В.Е. Борчанинова, А.С. Ващук [и др.]; под общ. ред. акад. А.И. Крушанова. Владивосток: Изд-во ДВУ, 1991. 416 с.
13. Ващук А.С. История Дальнего Востока России 1960-х – 1991 г. в освещении отечественных исследователей // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: мат-лы Второй Междунар. науч. конф. (Владивосток, 12–14 окт. 2016 г.) / отв. ред. С.М. Дударенок, М.А. Тулиглович. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2017. 432 с.
14. Вопросы социально-демографической истории Дальнего Востока в XX веке: сб. ст. Владивосток: ИИАЭ НДВ ДВО РАН, 1999. 200 с.
15. Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40–80-х годов XX в.). Владивосток: Дальнаука, 1998. 212 с.

16. *Ващук А.С.* Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (1945 г. – конец 80-х годов): дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 1998. 590 с.
17. *Крушанова Л.А.* Особенности криминальной ситуации на советском Дальнем Востоке (1960–1991) // Россия и АТР. 2013. № 1 (79). С. 66–79.
18. *Власов С.А.* Развитие бытового обслуживания в Приморском крае в контексте советской социально-экономической политики (1960–1980-е гг.) // Историко-экономические исследования. 2022. Т. 23. № 1. С. 132–149.
19. *Мотрич Е.Л.* Формирование и динамика населения как фактор экономического развития Дальнего Востока России: дис. ... д-ра экон. наук. Хабаровск, 2006. 290 с.
20. *Ващук А.С.* Дальневосточный фактор в социально-демографических процессах России во второй половине XX в. // Россия и АТР. 2012. № 3. С. 80–90.
21. *Чернолуцкая Е.Н.* «Точка невозврата»: демографическая динамика на Дальнем Востоке СССР в годы перестройки (1985–1991) // Россия и АТР. 2014. №4 (86). С. 23–37.
22. *Пискунов С.А.* Внутриобластное сельскохозяйственное переселение на Дальнем Востоке СССР (вторая половина 40-х – 80-е гг. XX в.): политика и практика // Россия и АТР. 2014. № 3 (85). С. 205–213.
23. *Крушанова Л.А.* Миграционная политика СССР на Дальнем Востоке (середина 1940-х – 1970-е гг.). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 268 с.
24. *Стрельцова Т.П.* История развития сельского хозяйства Дальнего Востока (середина 1940-х – конец 1980-х гг.) // Дальневосточный аграрный вестник. 2008. № 2 (6). С. 88–92.
25. *Платонова Н.М.* Обеспеченность жителей Дальнего Востока СССР продуктами питания: историко-антропологический аспект проблемы // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. № 2. С. 70–74.
26. *Власов С.А.* Жилищное строительство на Дальнем Востоке (1946–1991 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2008. 204 с.
27. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. // История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5 /под общ. ред. *В.Л. Ларина*; отв. ред. *А.С. Ващук*. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. 940 с.
28. *Корякина Е.В.* Сельская социальная инфраструктура как ресурс модернизации (на примере южных территорий Дальнего Востока в годы перестройки) // Сетевой научный журнал ОрелГАУ. 2016. № 2(7). С. 11–16.
29. *Корякина Е.В.* Социальное развитие села юга Дальнего Востока в годы перестройки (1985–1991 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 2009. 23 с.
30. *Гринько А.А.* Советская действительность 1970-х – первой половины 1980-х гг. в письмах и обращениях жителей дальневосточного села // Россия и АТР. 2022. № 3(117). С. 143–154.
31. *Гринько А.А.* Положение мужчины в сельской местности периода «позднего» социализма (на примере Дальнего Востока РСФСР) // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2022. № 1 (23). С. 126–141.
32. *Гринько А.А.* Материальное положение работников сельского хозяйства юга советского Дальнего Востока в 1970-х – первой половине 1980-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 2012. 214 с.
33. Гуманитарные исследования в Дальневосточном государственном аграрном университете: сб. науч. труд. (Благовещенск, 13–14 апр. 2016 г.)/ отв. ред. *А.Н. Руденко*. Благовещенск: ДальГАУ, 2016. 120 с.
34. Агропромышленный комплекс: проблемы и перспективы развития: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Благовещенск, 20–21 апр. 2022 г.). Благовещенск: ДальГАУ, 2022. Т. 1. 452 с.

References

1. *Koltunov L.A.* Rezervy truda sovkhovov Dal'nego Vostoka. Vladivostok: Dal'nevost. kn. izd-vo, 1974. 160 s.
2. Ocherk istorii Khabarovskoi kraevoi organizatsii KPSS (1900–1978 gody) / *N.A. Avdeeva, N.A. Bilim, A.V. Bol'bukh* [i dr.]. Khabarovsk: Kn. izd-vo, 1979. 495 s.
3. Krest'yanstvo Dal'nego Vostoka SSSR (XIX–XX vv.) / pod obshch. red. *A.I. Krushanova*. Vladivostok: DVNTS AN SSSR, 1979. 144 s.
4. Sotsial'no-ehkonomicheskoe razvitie dal'nevostochnoi derevni (sovetskii period) / pod obshch. red. *A.I. Krushanova*. Vladivostok: DVNTS AN SSSR, 1981. 100 s.
5. Sotsial'no-ehkonomicheskii analiz urovnya zhizni naseleniya Dal'nego Vostoka: sb. nauch. tr. / AN SSSR, Dal'nevost. otd-nie, In-t ehkon. issled.; otv. red. *S.V. Yugai*. Vladivostok: DVO AN SSSR, 1989. 171 s.
6. *Revaikin A.S., Ketova N.P.* Problemy formirovaniya postoyannogo naseleniya i trudovogo potentsiala na Dal'nem Vostoke // Sotsial'no-ehkonomicheskie problemy dal'nevostochnogo sela: sb. nauch. tr. / Akad. nauk SSSR, Dal'nevost. otd-nie, In-t ehkonom. issledovaniy; otv. red. *P.M. Salykin, N.P. Ketova*. Vladivostok, 1987. 120 s.
7. Sotsial'no-ehkonomicheskoe razvitie Dal'nego Vostoka: novye yavleniya, problemy, puti perestroiki: mat-ly nauch. dokl. Khabarovsk: DVO AN SSSR, 1991. 140 s.
8. *Vashchuk A.S., Babii N.V.* Rost zhiznennogo urovnya sel'skogo naseleniya Dal'nego Vostoka (1965–1980 gg.) // Agrarnaya politika KPSS na Dal'nem Vostoke (1960–1986). Vladivostok: Izd-vo DVU, 1987. S. 113–128.
9. Dal'nevostochnaya derevnya v 1961–1980 gg. CH. 2. Sotsial'noe razvitie dal'nevostochnoi derevni / *V.E. Borchaninova, A.S. Vashchuk, A.P. Derevyanko* [i dr.] / In-t istorii, arkhologii i ehtnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO AN SSSR. Vladivostok, 1987. 160 s.
10. *Borchaninova V.E.* Sotsial'naya struktura naseleniya Dal'nego Vostoka Rossii (60–80-e gody). Vladivostok: Dal'nauka, 1992. 176 s.
11. *Vlasov S.A.* Material'noe blagosostoyanie trudyashchikhsya Dal'nego Vostoka SSSR (1971–1985 gg.): dis. ... kand. ist. nauk. Vladivostok, 1989. 207 s.
12. Krest'yanstvo Dal'nego Vostoka SSSR XIX–XX vv.: ocherki istorii / *R.G. Bendyuzhik, V.E. Borchaninova, A.S. Vashchuk* [i dr.]; pod obshch. red. akad. *A.I. Krushanova*. Vladivostok: Izd-vo DVU, 1991. 416 s.
13. *Vashchuk A.S.* Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii 1960-kh – 1991 g. v osveshchenii otechestvennykh issledovatelei // Vladivostok – tochka vozvrashcheniya: proshloe i nastoyashchee russkoi eh migratsii: mat-ly Vtoroi Mezhdunar. nauch. konf. (Vladivostok, 12–14 okt. 2016 g.) / otv. red. *S.M. Dudarenok, M.A. Tuliglovich*. Khabarovsk: RIO DVYUI MVD Rossii, 2017. 432 s.
14. Voprosy sotsial'no-demograficheskoi istorii Dal'nego Vostoka v XX veke: sb. st. Vladivostok: IIAEH NDV DVO RAN, 1999. 200 s.
15. *Vashchuk A.S.* Sotsial'naya politika v SSSR i ee realizatsiya na Dal'nem Vostoke (seredina 40–80-kh godov KHKH v.). Vladivostok: Dal'nauka, 1998. 212 s.
16. *Vashchuk A.S.* Sotsial'naya politika v SSSR i ee realizatsiya na Dal'nem Vostoke (1945 g. – konets 80-kh godov): dis. ... d-ra ist. nauk. Vladivostok, 1998. 590 s.
17. *Krushanova L.A.* Osobennosti kriminal'noi situatsii na sovetskom Dal'nem Vostoke (1960–1991) // Rossiya i ATR. 2013. № 1 (79). S. 66–79.
18. *Vlasov S.A.* Razvitie bytovogo obsluzhivaniya v Primorskom krae v kontekste sovetskoi sotsial'no-ehkonomicheskoi politiki (1960–1980-e gg.) // Istoriko-ehkonomicheskie issledovaniya. 2022. T. 23. № 1. S. 132–149.
19. *Motrich E.L.* Formirovanie i dinamika naseleniya kak faktor ehkonomicheskogo razvitiya Dal'nego Vostoka Rossii: dis. ... d-ra ehkon. nauk. Khabarovsk, 2006. 290 s.
20. *Vashchuk A.S.* Dal'nevostochnyi faktor v sotsial'no-demograficheskikh protsessakh Rossii vo vtoroi polovine XX v. // Rossiya i ATR. 2012. № 3. S. 80–90.